

Большой Дом (Main House). Вид на угловую ротонду.
Main House in view of the corner rotunda.

Подмосковная Усадьба. Фото Google-map.
The Moscow suburban estate, a Google-map photo.

Петр Завадовский

Апология неоклассики, или презентация Подмосковной Усадьбы

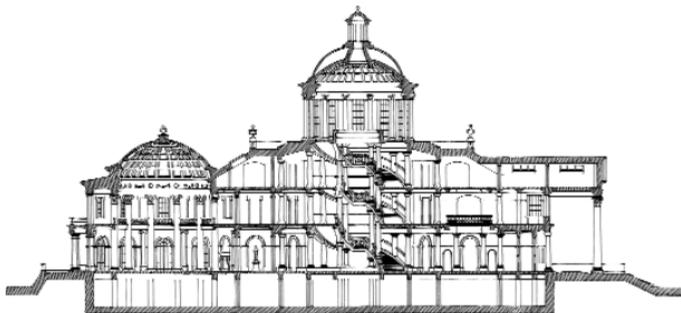
Обвиняется Неоклассика

Предложение редакции превратить публикацию объекта «апологией» поначалу поставило автора в тупик: апология, то есть оправдательная речь, подразумевает обвинение, если не формальный судебный процесс. После минутного ошеломления автор, вдохновившись примерами Сократа и Чаадаева, решил принять вызов и дать требуемые объяснения. Сторона обвинения в этом воображаемом процессе представляла так называемой «современной архитектурой», также именуемой модернизмом. Обвинение, сформулированное почти столетие тому назад, с тех пор не претерпело принципиальных изменений: неоклассика анархична, социально реакционна, конструктивно лжива, является балластом, который следует «сбросить с корабля современности» на его пути в «светлое будущее». Интересующиеся подробностями преступления, найдут их в манифестах авангардистов — от Адольфа Лооса до Алексея Гана.

А судьи кто?

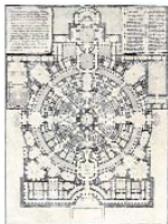
Тяжесть предъявленных обвинений вынуждает к выбору агрессивной тактики защиты. Примотрисуем к обвинителю поближе:

Начинавший с бунта героических одиночек против академического истеблишмента, модернизм сегодня превратился в свою противоположность: инерционный мэйнстрим, утративший внутреннюю энергию и легитимацию, но воспринявший себя через систему образования и преобладающий тип профессионального сознания. С другой стороны, положение сторонников неоклассики, выделенных в равнозначность профессионального гетто, и игнорируемого модернистскими большинством, напоминает маргинальное положение левых авангардистов. Ставшее привычным претерпевание «тоталитарной неоклассики», ее ассоциирование с диктаторскими рожками легко опровергается фактами. Из 74 лет существования СССР модернизм был официальным стилем коммунистического режима в течение 50 лет, то есть вдвое дольше неоклассики. С другой стороны, именно классицизм является государственным стилем американской демократии в течение всей истории, с небольшими модернистскими перерывами 1950–1980-х гг. Неоклассика идеологически индифферентна: она мобилизует любой режим, демократический а той же степени, что и диктаторский. Придет республиканности

Большой Дом. Эскиз поперечного разреза.
Main House. A cross section sketch.

Ж.Б. Пиранези. «Collegia Magnifica».
Гравюра. 1750-е гг.
G.B. Piranesi - «Collegia Magnifica».
A print. 1750 s.

любому заказчику, будь то император Боккаса или президент Рузвельт, причащая отблесками славы античных героев и олимпийских богов. Неоклассика выглядит «правой» лишь в сопоставлении с определено «левым» модернизмом, генетически и сущностно связанным с идеями анархо-синдикализма и коммунизма. Лишенный своих идеологических корней, отказавшийся от пароса социального реформаторства и жизнестроительной миссии, модернизм вырождается в равнодушный стайлинг: не случайно сегодня реликтом живого «современного движения» остается творчество убежденного коммуниста Оскара Нимейера, резко выделяющегося на фоне прочей продукции выхолащенного модернизма. Социальная ответственность модернистского авангарда 20-х сегодня вытеснена циничным коммерциализмом, место социального и технологического мессианства заняла скромная сервисная роль в структуре делового бизнеса. Эстетической свежести «пурризма» или «новой вещественности», эпатировавших господствовавший буржуазный вкус новыми дерзкими формами для «современного», рационального и атлетического образа жизни, сегодня сменилась рутинным воспроизведением привычного ассортимента формальных штампов и «проектных процедур». Составлявший немалую часть легитимации раннего модернизма этос «конструктивной честности» превратился сегодня в свою противоположность – безудержный и часто наивный декоративизм. Наконец, иссох основной источник энергии раннего модернизма – безусловная вера в лучшее будущее.

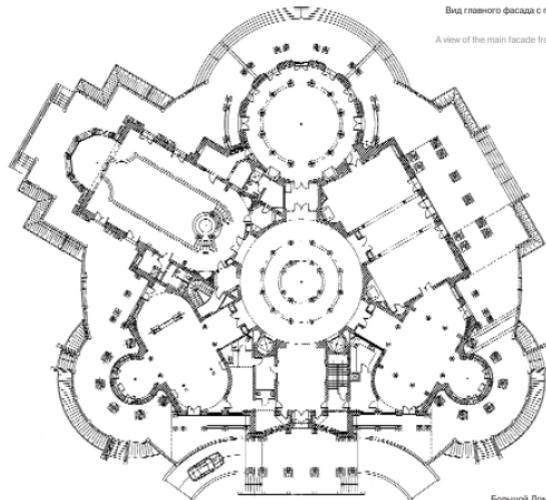
Авангардисты 1920-1930-х гг. пережили эпоху, которой хотелось соответствовать и которую стоило отражать. Предчувствовали ослепительное, невыразимо-прекрасное будущее и были одержимы жаждой его приближения. Сегодня, в своем большинстве, мы живем одним днем, как принято выражаться, «здесь и сейчас», отгоняя от себя мысли о последствиях. Если не все из нас готовы открыто признаться в себе в страхе перед каллидами, по всей вероятности, ожидающими нас, то уж во всяком случае наше отношение к будущему далеко от прежнего энтузиазма.

Если 40 лет назад разговоры о «смерти модернизма» еще вызвали бурные дискуссии, сегодня это, похоже, стало молчаливо признанным фактом: мы привычно, хотя и не всегда осознанно, воспринимаем модернизм как завершенное явление, лежащее в прошлом. Еще недавно претендовавший на роль «единственного верного учения», модернизм сегодня превратился в набор стилистических течений, интересней прежде всего ассоциируемых с прошлым, возбуждающими ностальгию по «скинчужим 30-м» или «рок-и-рольным 60-м». Превратившийся в равнодушие «старых псов» о главном», модернизм аюкислся в собственную традицию, а его шедевры, когда-то поражавшие воображение и опережавшие свое время, сегодня заняли место в списках памятников архитектуры, за сохранение которых с переменным успехом борется прогрессивная общественность.

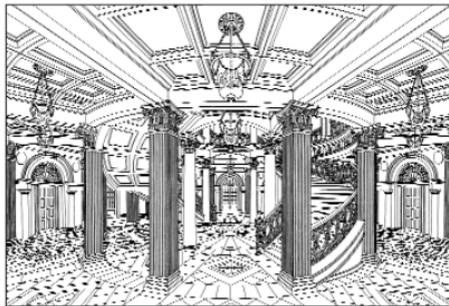
Проблема новаторства и новая электика
Практика модернизма на современном этапе

Большой Дом.
Вид главного фасада с подземной аллеи.
Main House.
A view of the main facade from a driveway alley.

Большой Дом. План 1-го этажа.
Main House. A ground floor plan.

Большой дом. Эскиз интерьера лестничного холла 1-го этажа.
Main House. A sketch of the stairs hall of the ground floor.

Эскизный проект, решение которого не претерпели в дальнейшем принципиальных изменений, был выполнен в ТМ А.Р.Асадова в 1998-1999 гг.

На этапе рабочего проектирования заказчиком была привлечена фирма ООО «Ампир» (директор М.Д.Тумаркин). Рабочее проектирование коробки велось ТМ Асадова на субподряде ООО «Ампир», детальная разработка декора фасадов – в рамках ООО «Ампир». Авторский надзор осуществлялся ООО «Ампир».

Авторский коллектив: П.К.Заводский (главный архитектор проекта), М.Д.Тумаркин, директор ООО «Ампир», архитекторы: Д.В.Шелест, Ю.Б.Грамаков, А.Ю.Игнатев, О.В.Бойко. Ландшафтное проектирование – ООО «Ампир» – Т.И.Вольфруб и И.В.Череватенко.

Авторы проекта гаражно-хозяйственного комплекса («кордегардий») – П.К.Заводский и Е.И.Частнова.

Авторы проекта бревенчатого гостевого дома – П.К.Заводский, Ю.Б.Грамаков и О.Л.Третьяков. Авторы проекта хозяйственного корпуса – М.Д.Тумаркин и Ю.Б.Грамаков.

Проектирование – 1998-2003 гг., строительство – 2001-2009 гг.

В целом характеризуется воспроизведением и реинтерпретацией сложившегося репертуара формальных решений. Предпринимаются попытки реанимации новаторского потенциала модернизма, как мне кажется, являются исключениями, подтверждающими правило. Жажда нового удовлетворяется сегодня на поле самоценных эстетических жестов, не преследующих иных целей, кроме привлечения всеобщего внимания. Подобные шутки, терпящие остроту при повторении, сами заводом не рассчитаны на тиражирование и не способны создать устойчивого тренда. На мой взгляд, такая практика выходит за рамки архитектуры в ее привычном значении и должна быть отнесена к разновидности «актуального искусства» с его ориентацией на провокацию и скандальный пиар. Впрочем, за ней можно признать верность модернистскому постулату «честного» отражения действительности: ее продукция убедительно воспроизводит образы окружающей нас анонимной и социальной дегградации. При этом стремление к неопорному индивидуальности, плоды анархического самозамыкания на удивление однообразны, как похожи одна на другую мятые бумажки или искореженные жестяные банки. Очевидная изчерпанность поисков нового на пути формального изобретательства вынуждает вспомнить о других опломбированных отброшенных путях развития: работе в русле традиционного формального языка и классической композиционной логики. Сознанием своего творчества частью великой традиции, которая, по глубокому замечанию Луиса Кана, «позволяет нам понять,

что именно из создаваемого нами сохранит значение для будущего». В отсутствии «большого стиля» и «большой идеологии», стилистическое наследие модернизма утрачивает прежнюю эксклюзивность и оказывается поставлено в ряд прочих «стилей». В этом отношении теперешние адепты ар-деко или нео-бароккизма мало чем отличаются от своих предшественников XIX столетия, выбиравших между неobarocko и неоготикой. Эпоху жертвенного фанатизма сменяют годы теплохладной толерантности, потянувшие, будем надеяться, попу для нового ласпационного рынка. И выбор между стилистическими направлениями сегодня – и впрямь до рождения нового «большого стиля» – уже, определяется не идеологией, а конъюнктурой или индивидуальным выбором заказчика и архитектора. Рассмотрение модернистского наследства как части общего стилистического ассортимента показывает милитаристскую барьеры, еще недавно казалось отделившего модернизм от неоклассики. Многие, чтобы не сказать большинство техений, оставшихся нам в наследство от «современной архитектуры», выросли из классики и сегодня воспринимаются все упрощенной равнозначностью. Не слишком рискуя, можно сказать, что все архитектурные явления, ориентированные на поиски закономерности, структурной связности и тектоничности, традицией связаны с классической традицией, либо эволюционируют в ее направлении в ходе своего естественного развития. За пределами «классической вселеной», во «внешней тьме» бесформенного

и бессмысленного остаются эсхессы иррационального экспрессионизма.

Неоклассика как «чьебардерский авангард»

Старушка неоклассика как-то пережила десятилетия пренебрежения. Как можно было ожидать, время только добавило ей ностальгической притягательности (думаю, не только мне бросилось в глаза, насколько благодарнее стала смотреться недавно еще презираемая застройка Кузубовского проспекта на фоне стелканных чудовищ «Москва-Сити»). Освободившись от шлейфа академической рутинности, классика сегодня выглядит заслуживающей внимания альтернативой вполну инерционному модернизму.

В мире реализованной модернистской утопии, пугающей даже своих творцов, классика обоснованно претендует на роль своеобразного «чьебардерского авангарда», указывающего направление в туника дегградации и дегуманизации, которые сулят небарокксовское будущее. Назад к легкомысленно обфорошенным традиционным ценностям «человеческого» прошлого. Разнообразие стилистических диалектов языка классики вместе с универсальностью ее композиционной грамматики, на мой взгляд, дает принципиальную возможность выйти за пределы привычной практики имитации модных образов, воспроизведения вышедших в тираж западных прототипов, предопределяющей заведомую вторичность результата. Альтернативная архитектура бессознательных мекдометий, перемежаемых «нотрунными» рулетками, видится возврат к осмысленной

Большой Дом. Вид входного (подъездного) портика.
Main House. A view of the entrance (drive-up) portico.

членораздельной речи, написанию связанных и содержательных текстов. И в арсенал такого «литература» от архитектуры «ордерный шрифт» Ле Корбюзье входит наравне с ордерным «шрифтом» А.Палладио.

Предывление улик:

Усадьба – от барокко к классицизму
Поскольку, наконец, с оправданиями, предыдем непосредственно к объекту.

Усадьба находится в ближнем Подмосковье по Рублево-Успенскому направлению. На участке 3,2 га расположены Большой дом, смещающий функцию дома приемов и частного жилища площадью 4,5 тыс. кв.м, «баня» – деревянный гостевой дом площадью 550 кв.м, кордегардий – два корпуса гаражей, с купольными павильонами, фланкирующими главный въезд.

На первом этаже Большого дома предусмотрены: помимо входного вестибюля и центрального лестничного холла парадный кабинет хозяина, большая столовая, семейная гостиная, бассейн с комплексом сопутствующих помещений и зал приемов в ротонде, замыкающий ось, идущую от главного входа. Второй этаж занимают спальни. На первом, мансардный, вынесены комнаты для гостей. Помещения объединены в три блока, расположенные треугольником вокруг круглого центрального лестничного холла, центр которого занимает парадная лестница. По двум спиральям ее маршир группы гостей могут перемещаться, не сталкиваясь друг с другом, но оставаясь в визуальном контакте. Лестница освещена световым барабаном централь-

Большой Дом. Фрагмент угловой ротонды.
Main House. A fragment of the corner rotunda.

A sketch design – solutions did not demonstrate any principal changes. It was developed by A.R. Asadov TM in 1998-1999.

Ampir Ltd (headed by M.D. Tumarkin) joined the detail design stage on the client's request. The detail design of the case was carried out by Asadov TM as a sub-contract with Ampir Ltd. detail development of facade decor was implemented by Ampir Ltd.

Ampir Ltd is in charge of architectural supervision. Designer team: P.K. Zavadovsky (project chief architect), M.D. Tumarkin, Ampir Ltd. Director, architects: D.V. Shelest, Yu. B. Gramakov, A.Yu. Ignatov, O.V. Boyko. Landscape design by Ampir Ltd. – T.I. Volfrub and I.V. Cherevatenko.

Designers of garage and amenities complex ("corps de garde") – P.K. Zavadovsky and E.I. Chastnova.

Designers of a log guest house – P.K. Zavadovsky, Yu. B. Gramakov and O.L. Tret'yakov.

Designers of amenities outbuilding – M. D. Tumarkin and Yu. B. Gramakov.

Design phase – 1998-2003, construction phase – 2001-2009.

Большой Дом. Вид на ротонду Большого Зала.
Main House. A view of the Grand Hall rotunda.

Два корпуса Кордегардий оформляют въезд
в Усадьбу.

Two buildings of the Corps de garde shape the
entrance to the estate.

ного купола, господствующего в ситуации здания. Начиная с уровня входа, лестница идет на высоту трех этажей, до отметки пола барабана купола, проемы которого ведут на эксплуатируемый кровлю над мажордным этажом. Углы треугольника акцентированы ротондами. Две малых выходят на главный фасад, в большой — расположен двухсветный зал приемов.

Разрабатывая планировочную и объемную структуру здания, автор следовал логике программы и функциональной схемы, не ориентируясь на конкретный прототип. Тем не менее, ряд заложенных в плане идей возник под воздействием определенных творческих импульсов. Мечтосовная центристельная композиция планов была выработана под прямым влиянием гравюры Пиранези — плана «Collega Magnifica», над которым автор как раз тогда медитировал, пытаясь представить себе, как именно сложный узор плана должен был бы выглядеть в трехмерном виде, и не иллюстрируют ли именно этот план некоторые из пирнезианских перспектив.

Предлагать заказчику архитектурные фантазии, не вполне отдавая себе отчет в сложности их дальнейшей разработки, было, как теперь кажется, довольно легкомысленно. Однако реакция заказчика оказалась неожиданно позитивной: «Это именно тот дом, который я увидел во сне». После чего убедить его в целесообразности более простой ортогональной схемы планов уже не представлялось возможным. Очевидным прототипом главного атриума здания, центральной лестницы в виде двойной спирали, являются эскизы Леонардо, наиболее известным воплощением которых стала центральная лестница замка Шамбор.

Архитектура фасадов здания также претерпела определенную эволюцию. Из разработанных на этапе эскиза вариантов заказником

был отвергнут барочный и выбран вариант в формах русского екатерининского классицизма. Он предполагал штукатурный декор с беложемчужными деталями и традиционную двухцветную, бежево-белую колористику. Перевод фасадов в камень не внес принципиальных изменений в характер декора, тем не менее, добавив ему монументальности и солидности, не достижимых в иных материалах. Прототипом большого ордера послужил коринфский ордер портиков Александринского театра в Петербурге. Однако не подражаемая манера турецких каменотесов придала капителям черты эксклюзивности. Хотелось бы отметить важную роль, сыгранную на стадии реализации проекта Михаилом Даниловичем Тумаринным. Именно его инициативе, энергии и организаторским талантам усадьба обязана великолепной мраморной облицовкой фасадов (фирма «Стоунстрой», Турция). В 2003 году автором были выполнены детальные эскизы интерьеров большинства парадных помещений дома.

К сожалению, заказчик на середине проекта счел туземных архитекторов не соответствующими своему высокому статусу и поручил отделку интерьеров дома звездному дизайнеру из Нью-Йорка.

По прошествии лет оценивая почти готовый объект, риску предположить, что Усадьба вполне укладывается в традицию уселительных охотничьих замков, характерных для Европы эпохи позднего абсолютизма, примерами которых может служить замок Ступинджи под Туринном (архит. Ф.Юварра) или дворец Мальграж Ж.Бюффрана. Среди русских precedентов на память приходит павильон Котлянской горки в Оранienбауме (архит. А.Ринальди) или дворец Дурасова в Люблино.

Орпав:
Деревянная колоннада галереи Большого Зала.
Right:
The Grand Hall Dorian colonnade.